

РУССКИЙ СЪВЕРЪ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО.
Кромѣ дней послѣ праздничныхъ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ:
Вологда, Б. Обуховская ул., д. Скородумова.
Телефонъ № 216.

Цѣна отдѣльнаго № въ розничной продажѣ 3 коп.

Личныя объясненія въ редакціи ежедневно отъ 12-ти до 2-хъ часовъ дня, кромѣ праздниковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
безъ пересылки и доставки.

За годъ	4 р. — 75 "
" 11 мѣс.	3 " 50 "
" 10 "	3 " 25 "
" 9 "	3 " — "
" 8 "	2 " 85 "
" 7 "	2 " 50 "
" 6 "	2 " 20 "
" 5 "	1 " 75 "
" 4 "	1 " 40 "
" 3 "	1 " 90 "
" 2 "	— " 50 "
" 1 "	— " — "

Подписка принимается въ редакціи газеты и въ книжной торговлѣ Е. Минишева (Александровскій садъ).

Рукописи, признанныя неудобными для печати, не возвращаются. Принятые статьи редакція имѣетъ право исправлять и сокращать. Статьи, присланныя безъ обозначенія гонорарныхъ условій, считаются бесплатными. Не разборчивыя рукописи не читаются.
На присланные вопросы редакція отвѣчаетъ въ почтовомъ ящикѣ газеты, кромѣ случаевъ, требующихъ сохраненія тайны.

Плата за объявленія. За строку пята или занимаемое ею мѣсто на 4-й страницѣ 1 разъ 10 коп., остальные по 5 коп. каждый. На 1-й страницѣ вдвое дороже.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
съ пересылкой и доставкой.

За годъ	4 р. 80 "
" 11 мѣс.	3 " 60 "
" 10 "	3 " 30 "
" 9 "	3 " — "
" 8 "	2 " 90 "
" 7 "	2 " 60 "
" 6 "	2 " 30 "
" 5 "	1 " 80 "
" 4 "	1 " 45 "
" 3 "	1 " 1 " 50 "
" 2 "	— " 1 " 60 "
" 1 "	— " — " 60 "

Вологда 16 июля 1908 г.

Въ „освободительной“ прессѣ раздаются ликующіе гимны въ честь турецкой конституціи. Да и какъ не ликовать, когда революціонное сумасшествіе разлилось уже въ Турціи, Періи и чуть не въ Китаѣ и либеральные фразеры получили полную свободу звонить языками на всемъ необъятномъ пространствѣ Азіи и даже разстрѣливать инакомыслящихъ, какъ это уже началось въ свободной Турціи.

Очень интересно ознакомиться съ мнѣніемъ нашихъ „освободителей“, защищающихъ конституціонный строй и считающихъ его доказательствомъ „культурности“ страны.

Возьмемъ передовую статью изъ вчерашняго номера „Съвера“ (№ 295). Писавшій эту статью апологетъ конституціоннаго строя очевидно рассчитывалъ, что его читатели также невѣжественны, какъ онъ самъ, и потому сыпалъ фразами, неособенно вникая въ ихъ смыслъ. Напримѣръ, онъ пишетъ, что

Страны со старой культурой и малокультурныя подъ влияніемъ роста экономическихъ силъ, развитія желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, телефоновъ, роста торговли собственной и иностранной, распространенія грамотности и т. п. и подъ влияніемъ движенія въ сосѣднихъ государствахъ „одна за другой рѣшили покончить съ прошлымъ и выйти на новую, широкую конституціонную дорогу.

Все непонятно въ этой шумихѣ фразъ. Страна со старой культурой, т. е. существующей уже вѣками, не можетъ отрѣшиться отъ своего прошлаго, ибо въ всякая новая культура не засѣвается на предварительно опустошенномъ полѣ, а является плодомъ известной эволюціи на почвѣ той старой культуры, къ которой съ такимъ пренебреженіемъ относятся неразумное дитя, пишущее передовицы „Съвера“. Въ эпоху возрожденія новая пышная культура расцвѣла именно изъ старой культуры классическаго міра, а нынѣшнія товарищескія попытки разрушить все старое и создать что-то новое, чего сами не знаютъ, ведутъ человечество не въ прогрессу, а регрессу, ибо развитіе культуры всегда бываетъ постепеннымъ и каждый шагъ по этому пути является послѣдствіемъ предыдущихъ шаговъ. Конституціонная дорога почему то кажется „Съверу“ широкой, хотя эту дорогу люди изучили еще не успѣли, ибо свернули на нее менѣе ста лѣтъ тому назадъ, а раньше въ теченіе четырехъ тысячъ лѣтъ шли по другимъ дорогамъ, которыя не были тѣсны для исполнителей давно отошедшихъ поколѣвій и только современнымъ пигмеямъ показались почему-то тѣсными.

Въ чемъ заключается „ширина“ кон-

ституціонной дороги? Конституція приноситъ за собой ослабленіе центральной власти, а слѣдовательно уменьшаетъ возможность сосредоточенія силъ государства; она порождаетъ партіи, борющіяся за власть, разединяющія и расшатывающія государство этой борьбой; она инвельтируетъ людей, выдвигая наверхъ дрянныхъ, безсильныхъ политикановъ и старательно удаляя отъ власти всѣхъ сильныхъ, умныхъ и смѣлыхъ, ибо такіе люди не чувствуютъ себя равноправными съ другими; наконецъ, конституція отдастъ власть въ руки богатыхъ и подъ знаменемъ демократизма водворяетъ чистѣйшую плутократію. Неужто это „ширина“ человѣческаго пути?

Далѣе „сѣверный“ передовикъ пишетъ: Крѣпость новаго государственнаго строя обусловлена въ настоящее время новымъ характеромъ всего строя современной жизни. Обнаружилась полная непримиримость средневѣковаго строя жизни съ растущими силами культуры. Въ защиту новыхъ формъ жизни выступили уже не отдѣльныя лица, не фанатики, не мечтатели, а новая, таящаяся въ нѣдрахъ государства, силы.

Адвокатомъ и охранителемъ конституціи оказалась сама жизнь, сама исторія.

Первая фраза конечно непонятна и самому автору, ибо онъ очевидно принадлежить къ числу тѣхъ, которые могутъ писать, но не умѣютъ объяснить то, что написали. Потому первые три строчки представляютъ три пятячка и ничего больше. Упоминаніе же о „средневѣковомъ“ строѣ обнаруживаетъ колоссальное невѣжество автора и его полное незнакомство съ исторіей. По смыслу статьи надо думать, что авторъ считаетъ средневѣковымъ строемъ абсолютную монархію, но въѣвъ въ средніе вѣка монархія была болѣе чѣмъ ограниченной, она была почти фактивно, такъ какъ всемогущи въ эти вѣка были церковь и знать, т. е. феодальная аристократія, всѣми силами борющаяся противъ самодержавной монархія. Новая эпоха именно воплоти примирима со средневѣковой, ибо тогда царствовала земельная, дворянская аристократія, а теперь господствуетъ аристократія денежная, и обѣ они, теперь какъ и въ средніе вѣка, идутъ противъ монархія, види въ монархяхъ естественныхъ защитниковъ тѣхъ народныхъ массъ, на счетъ которыхъ непремѣнно должна жить какъ феодальная, такъ и денежная аристократія.

Міръ двигали всегда фанатики и мечтатели, ибо вторые создавали новыя идеи, а первые проводили ихъ въ жизнь съ желѣзной энергіей. Что же касается успѣха ихъ или неудачи, то это всегда зависѣло отъ своевременности данной идеи, отъ настроенія народныхъ массъ и соответствія новой идеи этому настроенію. Какія „новыя, таящаяся въ нѣдрахъ государства, силы“ ваццпаютъ теперь

конституцію—это тайна автора передовицы „Съвера“. Намъ кажется, что эти „таящіяся силы“ просто жида, но въ такомъ случаѣ отчего ихъ не назвать. Впрочемъ, въ слѣдующихъ строкахъ авторъ увѣряетъ, что конституцію охраняетъ „жизнь“ и... „исторія“, которой у конституціи еще нѣтъ.

Тутъ авторъ входитъ уже въ область четвертаго измѣренія, гдѣ мы ему не хотимъ составлять конкуренціи.

Заканчивается статья патетическимъ восклицаніемъ:

Возобновленіе конституціи въ Турціи—событіе огромной исторической важности. И всѣ, кому дорога мировая культура, кто борется за обновленіе и возрожденіе человечества, должны привѣтствовать это событіе.

Въ чемъ „историческая“ важность турецкой конституціи? Причемъ тутъ „мировая культура“? Люди, борющіеся за истинную мировую культуру, почти всегда удаляются отъ политики, они равнодушны къ такой мелочи, какъ турецкая конституція, а люди практики, люди реальныхъ взглядовъ—къ конституціямъ тоже относятся безъ особаго увлеченія, зная, что это сомнительное благо можно съ помощью батальоновъ насадить и тѣмъ же батальонами уничтожить.

Ужаса эта модная газетная фразистика! Пишетъ человекъ одни фразы безъ всякаго смысла, никакими знаніями и размышленіями своей умъ не обременяетъ и думаетъ, что онъ публицистъ и „руководитель общественного мнѣнія“. Онъ не замѣчаетъ даже, что его „послѣдняя, заключительная, рассчитанная на эффектъ фраза построена до смѣшнаго похоже на рекламныя воззванія: „всѣ, кто хочетъ имѣть свѣжій цвѣтъ лица и избавиться отъ морщинъ, должны мыться мыломъ фабрики „Шабесгой“.

Одинаково категорично, эффектно и убедительно.

ТЕЛЕГРАММЫ

С.-Петербург. Телеграфнаго Агентства.

ПЕТЕРБУРГЪ. Управление главнаго врачебнаго инспектора предложило въ руководству врачебнымъ управленіемъ постановленіе медицинскаго совѣта, въ силу котораго право заниматься уходомъ за красотой лица и тѣла можетъ быть предоставлено лицамъ, окончившимъ русскую школу массажа и врачебной гимнастики и прошедшимъ въ ней дополнительный курсъ по названной специальности. Необходимо внести въ программы школъ массажа отдѣлъ по уходу за красотой лица и тѣла. Изученіе этого отдѣла обязательно только для желающихъ получить право на занятіе этой специальностью. Лицамъ,

получившимъ дипломъ на занятія по уходу за красотой лица и тѣла заграничціи, таящіеся силы“ просто жида, но въ такомъ случаѣ отчего ихъ не назвать. Впрочемъ, въ слѣдующихъ строкахъ авторъ увѣряетъ, что конституцію охраняетъ „жизнь“ и... „исторія“, которой у конституціи еще нѣтъ.

Тутъ авторъ входитъ уже въ область четвертаго измѣренія, гдѣ мы ему не хотимъ составлять конкуренціи. Заканчивается статья патетическимъ восклицаніемъ: Возобновленіе конституціи въ Турціи—событіе огромной исторической важности. И всѣ, кому дорога мировая культура, кто борется за обновленіе и возрожденіе человечества, должны привѣтствовать это событіе.

Въ чемъ „историческая“ важность турецкой конституціи? Причемъ тутъ „мировая культура“? Люди, борющіеся за истинную мировую культуру, почти всегда удаляются отъ политики, они равнодушны къ такой мелочи, какъ турецкая конституція, а люди практики, люди реальныхъ взглядовъ—къ конституціямъ тоже относятся безъ особаго увлеченія, зная, что это сомнительное благо можно съ помощью батальоновъ насадить и тѣмъ же батальонами уничтожить.

Ужаса эта модная газетная фразистика! Пишетъ человекъ одни фразы безъ всякаго смысла, никакими знаніями и размышленіями своей умъ не обременяетъ и думаетъ, что онъ публицистъ и „руководитель общественного мнѣнія“. Онъ не замѣчаетъ даже, что его „послѣдняя, заключительная, рассчитанная на эффектъ фраза построена до смѣшнаго похоже на рекламныя воззванія: „всѣ, кто хочетъ имѣть свѣжій цвѣтъ лица и избавиться отъ морщинъ, должны мыться мыломъ фабрики „Шабесгой“.

Одинаково категорично, эффектно и убедительно.

ТЕЛЕГРАММЫ
С.-Петербург. Телеграфнаго Агентства.

ПЕТЕРБУРГЪ. Управление главнаго врачебнаго инспектора предложило въ руководству врачебнымъ управленіемъ постановленіе медицинскаго совѣта, въ силу котораго право заниматься уходомъ за красотой лица и тѣла можетъ быть предоставлено лицамъ, окончившимъ русскую школу массажа и врачебной гимнастики и прошедшимъ въ ней дополнительный курсъ по названной специальности. Необходимо внести въ программы школъ массажа отдѣлъ по уходу за красотой лица и тѣла. Изученіе этого отдѣла обязательно только для желающихъ получить право на занятіе этой специальностью. Лицамъ,

пий вблизи мѣсть стоянки „Штандартъ“ и „Веритѣ“.

Лишь только силуэты французскихъ судовъ обрисовались окончательно, какъ на гротъ-мачтахъ всѣхъ русскихъ судовъ взвились французскіе флаги и только на гротъ-мачтѣ императорской яхты попрежнему рѣялъ штандартъ Государя Императора, хотя на яхтѣ Его Величества былъ поднятъ и французскій флагъ. Начался салютъ, орудія загрохотали и на судахъ французской эскадры.

Въ два съ половиной часа дня французская эскадра находилась уже на высотѣ острова Вульфъ. Благодаря прелестной погодѣ все населеніе Ревеля осыпало побережье и любовалось съ возвышеннаго берега ревельскаго рейда интереснымъ зрѣлищемъ. Наконецъ французская эскадра показалась на высотѣ живописныхъ развалинъ Бригиттенскаго монастыря и потянулась параллельно второй линіи судовъ нашей эскадры. На обѣихъ эскадрахъ команды стояли во фронтѣ, звуки русскаго ура и французской марсельезы нависли надъ рейдомъ. У „Веритѣ“ на гротъ-мачтѣ рѣялъ флагъ французскаго президента съ инициалами А. Ф., на фокъ-мачтѣ развѣвался русскій военный флагъ, на командномъ мостикѣ во фронтѣ и цандриѣ окруженный свитой, стоялъ президентъ, рядомъ съ нимъ министръ иностранныхъ дѣлъ Пишонъ. Въ отвѣтъ на привѣтственные клики командъ русскихъ судовъ президентъ высоко поднималъ цилиндръ. Французская эскадра, оборнувъ вторую колонну нашихъ судовъ, начала отгибаться между двухъ линій русскихъ судовъ. Головной корабль французской эскадры броненосецъ „Веритѣ“, дойдя до высоты расположенія яхтъ „Штандартъ“ и „Пелария звѣзда“, бросилъ якорь между нами. За нимъ расположились остальные суда французской

эскадры. Когда „Веритѣ“ всталъ въ означенномъ мѣстѣ, съ яхты Штандартъ отвалилъ паровой катеръ съ морскимъ министромъ генералъ-адъютантомъ Диковымъ и назначенными состоять при президентѣ генералъ-адъютантомъ барономъ Фредериксомъ 2-мъ и свиты Его Величества генералъ-майоромъ княземъ Енгальчевымъ. Морской министръ поднялся на бортъ „Веритѣ“, и отъ имени Государя Императора принеъ привѣтствіе президенту. Затѣмъ морской министръ возвратился на „Штандартъ“. Кличъ „ура“, Vive la Russie, марсельеза и звуки русскаго національнаго гимна оглашали рейдъ. Въ три часа 40 мин. президентъ спустился съ „Веритѣ“ и подъ звуки марсельезы и вѣтрѣчи, въ сопровожденіи свиты и назначенныхъ состоять при немъ лицъ, сошелъ на роскошную баржу, на которую тотчасъ былъ перенесенъ флагъ президента. Баржа направилась къ яхтѣ „Штандартъ“. На верхней площадкѣ трапа президента встрѣтилъ Государь Императоръ. Его Величество былъ въ лентѣ Почетнаго Легіона. Рядомъ со Штандартномъ Государя Императора на мачтѣ Императорской яхты взвился флагъ президента и начался салютъ. Звуки марсельезы огласили рейдъ.

Встрѣча Государя Императора и президента послала самый сердечный характеръ. Затѣмъ Его Величество и высочайшій гость прошли къ Государынѣ Императрицѣ, стоявшей на верхней палубѣ. Съ правой стороны рубки находились также Наслѣдникъ Цесаревичъ и Августѣйшія дочери Ихъ Величества. Государыня Императрица и Великія Княжны были въ свѣтлыхъ туалетахъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ въ бѣломъ костюмѣ. Президентъ поцѣловалъ руку Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ и поздоровался съ Августѣйшими Дѣтьми. На па-

лубѣ былъ выстроенъ почетный караулъ съ хоромъ музыкантовъ, игравшихъ марсельезу. Президентъ съ Его Величествомъ здороваясь обошли фронтъ почетнаго караула. Затѣмъ послѣдовало взаимное представленіе министровъ и лицъ свиты. Среди лицъ русской свиты находились министры двора, иностранныхъ дѣлъ морской, русскій посолъ въ Парижѣ, прибалтійскій генералъ губернаторъ и эстляндскіе губернаторъ и губернский предводитель дворянства. Пробывъ 10 минутъ на „Штандартѣ“, президентъ откланялся Ихъ Величествамъ и отбылъ въ сопровожденіи свиты на „Веритѣ“. Снова взвился на „Веритѣ“ флагъ президента и послѣдовалъ новый салютъ. Вскорѣ Государь Императоръ въ сопровожденіи министровъ двора и иностранныхъ дѣлъ, русскаго посла въ Парижѣ, начальника военно-походной Его Величества канцеляріи, флагъ-капитана, флагъ-офицера и другихъ лицъ отбылъ на паровомъ катерѣ на броненосецъ „Веритѣ“. На верхней площадкѣ трапа Его Величество встрѣтилъ президентъ во главѣ своей свиты. Едва Государь вступилъ на палубу, какъ на мачтѣ рядомъ съ именнымъ флагомъ президента взвился Штандартъ Государя Императора. Команда броненосца стояла во фронтѣ и была выставлена почетный караулъ. Вновь загрохотали орудія сперва съ французскихъ, потомъ съ русскихъ судовъ. Его Величество пробылъ на броненосцѣ у президента около часа. Въ пять часовъ семь мин. пополуноди Государь Императоръ изволилъ возвратиться на „Штандартъ“.

Въ восемь часовъ вечера на „Штандартѣ“ состоялся парадный обѣдъ въ Высочайшемъ присутствіи, на которомъ присутствовалъ президентъ со своей свитой, министры и лица Государевой свиты. Вечеромъ суда обѣихъ эскадръ были

аллюминированы. РЕВЕЛЬ. На парадномъ обѣдѣ па императорской яхтѣ „Штандартъ“, за Высочайшимъ столомъ центральныя мѣста занимали Государь Императоръ, по правую Его Величества руку Государыня Императрица Александра Теодоровна и президентъ Фаллеръ, по лѣвую Его Величества руку французскій министръ иностранныхъ дѣлъ и русскій министръ иностранныхъ дѣлъ Извольскій. Во время обѣда Его Величество изволилъ произнести:

„Политическое живое и истинное удовольствие, господинъ президентъ, привѣтствую Васъ въ русскія воды и сердечно благодарю Васъ за Ваше посещение, которое принимается всей Россіей, какъ новое доказательство узъ искренней нерушимой дружбы, соединяющей Францію и Россію. Ваше пребываніе среди насъ, я уверенъ, будетъ имѣть послѣдствіемъ еще большее упроченіе узъ и еще разъ обнаружитъ твердую волю обѣихъ дружественныхъ и союзныхъ странъ содѣйствовать подержанію и укрѣпленію всеобщаго мира. Пью за Ваше здоровье, господинъ президентъ, и за славу и благоденствіе Франціи“.

Въ отвѣтъ президентъ республики сказалъ:

„Государь! Ваше Величество не могли сомнѣваться въ томъ, что большому удовольствію, которое доставитъ президенту французской республики принести Вамъ въ русскія воды сердечный привѣтъ Франціи. Отношу къ Вамъ, государь, и къ Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ, приносящій своимъ присутствіемъ особую прелесть этому блестящему торжеству. Благодарю Ваше Величество за слова, которыя Вы только что произнесли, и съчастливъ подтвердить здѣсь въ имѣть съ Вами чувства постоянной и

ПИСЬМА КЪ БЛИЖНИМЪ.

Левъ Толстой какъ журналистъ.

На дняхъ появилась во всѣхъ западныхъ странахъ сразу повая статья Л. Н. Толстого подъ названіемъ „Не могу молчать“! Статья къ сожалѣнію, слабая, какъ большинство газетныхъ статей великаго романиста. Просто слабо написанная, не волнующая, не убѣдительная статья. Что же такое: если есть дамы „пріятныя во всѣхъ отношеніяхъ“, то извѣстно, что нѣтъ великихъ людей, гениальныхъ съ головы до ногъ. Нельзя было требовать наприимѣръ отъ Пушкина, чтобы онъ былъ великимъ живописцемъ. Рисунки поэта на поляхъ рукописей ниже посредственности. Нельзя было требовать, чтобы Глинка гениально танцевалъ. Даже такаа, казалась бы, близкая къ музыкѣ вещь, какъ игра на музыкальныхъ инструментахъ, большинству великихъ композиторовъ не давалась. Миѣ пришлось какъ-то въ частномъ домѣ слышать игру покойнаго Чайковскаго на роалѣ. Неважная была игра. Всеобъемлющихъ гениевъ прямо-таки нѣтъ въ природѣ, какъ нѣтъ цвѣтовъ, одновременно дающихъ розы и лиліи на одномъ стеблѣ. Примѣры Леонардо-да-Винчи и Гете весьма спорны. Только въ сказкахъ допустимы химеры—существа съ головой напр. козы, съ тѣломъ льва и съ хвостомъ змѣи. Сатиры, гарпіи, медузы, кентавры, пегасы, грифы, апокалиптическіе звѣри—все это отдаютъ не богатствомъ, а скорѣе бѣдностью воображенія: бога представить себѣ труднѣе, чѣмъ уroda. Въ силу экономіи природы, достигающей разума и красоты, Шекспиръ не написалъ ни одного романа, Сервантесъ писалъ очень плохія комедіи, Кантъ и Ньютонъ оставили плохія богословскія сочиненія. Въ высшей степени поэтому естественно, что авторъ „Анны Карениной“ пишетъ плохія газетныя статьи; просто это не его область. Никому не кажется страннымъ то, что Левъ Толстой не умѣетъ писать стиховъ, не умѣетъ рисовать и лѣпить статуи, и если играетъ на роалѣ, въ шахматы, въ винтъ, то далеко не какъ артистъ. Не стоило бы даже писать о

Толстомъ, какъ о журналистѣ, если бы по капризу его природы именно на этомъ поприщѣ онъ не сосредоточилъ всего своего вниманія, всей огромной энергіи за послѣднюю четверть вѣка. Хотѣлось бы прибавить: „всего таланта“, но талантъ не такая вещь, которую можно было бы приспособить къ чужой области. „Духъ дышитъ, гдѣ хочетъ“, а гдѣ не хочетъ, никакими усилиями, хотя бы титаническими, не заставишь его дышать. Гений Толстого изумите ень тамъ, гдѣ онъ описываетъ какъ художникъ. Невѣроятная острота чувства, зрѣнія, обонянія, слуха, острота и яркость памяти, отмѣчающей, какъ дорогая фотографическая пластинка, даже то, что невооруженный глазъ не видитъ и неспособенъ увидѣть,—тутъ Левъ Толстой правдивъ и ясенъ. Свидѣтель вѣрный—здѣсь онъ волнуется и заражается, отличаетъ существенное отъ несущественнаго и говоритъ новое, что безъ спора признаемъ вѣрнымъ. Нѣсколько ниже романовъ стояли его драмы. Гораздо ниже, но все-таки очень замѣчательны нѣкоторыя его нравственно-философскія статьи. Тутъ, въ отдѣльныхъ мысляхъ и иногда страничкахъ, въ невольномъ подражаніи стоякамъ и буддистамъ Толстой вышвыряется до великихъ образцовъ. Значительно ниже ихъ—ученныя работы Толстого, наприимѣръ по сводѣ четвероевангелія. Есть наконецъ сочиненія Толстого—будто бы философскія (наприимѣръ „О жизни“), до такой степени темныя, что ихъ не только понять, но даже прочесть до конца невозможно. Очень интересны и поучительны педагогическія статьи Толстого (въ IV томѣ). Тутъ, какъ и въ нѣкоторыхъ бытовыхъ статьяхъ (о переписи, о голодѣ и пр.) разсыпаны отдѣльныя зерна золотого ума и сердца. Самый же плохой сортъ писаній великаго белетриста—его газетная публицистика. Тутъ она почти никогда не выше посредственности, часто—ниже ея. О талантѣ Толстого въ этой области не можетъ быть и рѣчи. Но раздраженному тону, по анархизму банальныхъ идей, по партійной озлобленности, по ожесточенной ненависти къ „правительству“ и „попамъ“ Левъ Толстой падаетъ иногда до какого-нибудь плебея мысли.

Наблюдая забавную горячность еврей-

ской печати съ юбилеемъ Толстого, невѣроятный шумъ и гамъ мелкихъ газетчиковъ, восхваляющихъ именно газетныя статьи Толстого, начинаешь понимать, въ чемъ дѣло. Видишь не только попытку евреевъ приспособить великаго русскаго человѣка въ качества іерихонской трубы для разрушенія стѣны русской государственности и вѣры. Кромѣ этихъ попытокъ, замѣчаешь искреннюю гордость Толстымъ, какъ журналистомъ своего круга. Когда принцъ крови спускается въ таверну и начинаетъ вести себя общепринятымъ въ тавернахъ образомъ, заведателямъ польщены, умилены. Пусть они знаютъ, что его свѣтлость назоветъ ихъ у себя наверху презрѣнной сволочью, но здѣсь онъ—свой. Здѣсь не только манеры, мысли, языкъ, но даже вкусъ—у нихъ съ герцогомъ общій. Перечитавъ анархическія статьи Толстого и замѣтивъ въ нихъ чрезвычайное облянженіе съ своими собственными, газетный пролетаріатъ приходитъ въ восторгъ. Безумная мысль осѣняетъ иную голову: а что если и онъ тоже ровня Толстому? При обыкновенномъ самолюбіи неудачниковъ, они охотно позволяютъ себѣ забывать, что Левъ Толстой— имя священное въ нашей литературѣ и принадлежитъ оно литературѣ, а не печати. Въ исторіи вообще и въ исторіи просвѣщенія будетъ извѣстенъ романистъ Левъ Толстой. О томъ же, что онъ писалъ, кромѣ белетристики, религиозныя, философскія, политическія статьи, будутъ знать развѣ лишь академики—изъ усидчивыхъ вхохоборовъ.

Но вернемся къ новой статьѣ Толстого, пока она жива: завтра она затеряется въ памяти общества, какъ затеряны безлѣдно три четверти его шумныхъ политическихъ статей.

Поднявшіе мечъ.

Еще не успѣла иностранная почта дойти до Петербурга, какъ телеграммы во всѣхъ еврейскихъ газетахъ прокричали о необыкновенномъ „пограсающемъ“, съ необычайнымъ успѣхъ статьи Толстого. Утверждалось категорически, что всѣ, буквально всѣ французскіе, нѣмецкіе, англійскіе читатели восхищены статьей великаго писателя и безусловно согласны съ его мнѣніемъ о смертной казни. Еврейская

фальсификація такъ и бьетъ изъ этихъ телеграммъ. Расчитанная на дураковъ, она только ихъ можетъ ввести въ обманъ. Возможно ли, чтобы всѣ читатели, все европейское общество восхищалось какой-нибудь статьёй? Конечно нѣтъ. Этого никогда не бываетъ. Общество раздѣлено на партіи, на умственные породы. При всей тирании моды психологически невозможно соединить все общество на одномъ мнѣніи. Всегда, во-первыхъ, есть люди равнодушные, которыхъ ничѣмъ не проймешь, и такихъ у всякаго идола большинство. О, если бы было достаточное количество искреннихъ идолопоклонниковъ! Вопросъ религіи можетъ быть этимъ былъ бы рѣшенъ. И правовѣрные, и язычники обыкновенно случаются предъ алтарями, какъ дѣти. Во-вторыхъ, кромѣ множества равнодушныхъ, всегда есть въ обществахъ сегтанты, и въ силу этого—враги всякой чужой мысли. У величайшихъ людей есть свои ненавистники,—это просто люди другого умственнаго прихода. Если подсчитать, то самая широкая сенсация, самый громкій фуроръ дѣлаются сравнительно небольшою толпой поклонниковъ. Изъ этой толпы нужно еще отбросить фальшивыхъ, восторгающихся часто, не читавъ автора. Изъ читавшихъ далеко не всѣ заботятся о томъ, чтобы понять новую мысль. Въ какую сдѣдовательно мелочь превращается нѣчто жалкое, что называется успѣхомъ въ обществѣ! „Что слава: шопотъ ли чтеца, глумленьемъ низваго невѣжды, или восхищеніе глупца?“ Когда газетные еврейчики начинаютъ галдѣть о восхищеніи публики всего міра—сразу чувствуешь, какіе тутъ элементы славы налицо.

Къ большому сожалѣнію, статья Льва Толстого не допущена въ Россію. Вино вато въ этомъ столько же правительство, сколько самъ Толстой. Ему какъ будто нравится писать такіа статьи, которыя навѣрное не будутъ пропущены, притомъ всего лишь изъ-за нѣсколькихъ недопустимыхъ словъ. Автору непрежѣнно хочется ругнуть верховную власть и церковь и этимъ сдѣлать свою вещь запрещенной. Запрещеніе есть до извѣстной степени „гоненіе“. Скажутъ: отчего бы Леву Толстому и не позволить облегчить душу, не дать права выбраться въ предѣлахъ уголовной отвѣтственности? Я то-

вѣрной дружбы, которая соединяет наши два народа. Этот союз, столь счастливо заключенный для охраны общих интересов, получает драгоценное освящение времени, являясь въ Европѣ гарантіей равновѣсія. Онъ удолговѣчитъ для величайшаго блага Франціи и Россіи и я также, какъ и Вы, Государь, убѣжденъ, что настоящая наша встрѣча подтвердитъ еще разъ, твердою волю обоихъ друзей европейскихъ и союзныхъ странъ содѣйствовать поддержанію и укрѣпленію всеобщаго мира. Поднимаю бокаль въ честь Вашего Императорскаго Величества, Ея Императорскаго Величества, Императрицы—Матери и всей Императорской Семьи, пью за величіе и счастье Россіи, друзей и союзницъ Франціи».

МОСКВА. Городская управа сдѣлала представленіе объ утвержденіи въ должности предсѣдателя почетнаго общества народнаго университета имени Шанявскаго профессора Рота.

КОСТРОМА. Въ Кинешмѣ обнаружена организация социаль-демократовъ со вполне оборудованной типографіей. Арестованы 21 участникъ, найдены шрифты, гектографъ и масса нелегальной литературы.

СТАРАЯ РУССА. На переговѣ Морино-Вологъ желѣзнодорожной линіи Псковъ-Вологъ потерпѣлъ крушеніе пассажирскій поѣздъ № 122. Паровоз упалъ подъ откосъ, разбиты вагоны-ледники и багажный вагонъ, убитъ безбилетный пассажиръ, ранена паровозная прислуга.

АСТРАХАНЬ. Съ начала эпидеміи заболѣло холерой 13, умерло 7, въ уѣздахъ заболѣвавшихъ нѣтъ.

ГЕЛЬСИНГФОРСЪ. Генералъ-губернаторъ Бекманъ выѣхалъ въ служебный ъздъ края. Поѣздка началась съ Выборгской губерніи посѣщеніемъ Выборга, Сердоболя и Валаамскаго монастыря.

НИЖНИЙ-НОВГОРОДЪ. Въ присутствіи губернатора и представителей вѣдомствъ и купечества открыта ярмарка.

ОДЕССА. Разразившейся ночью ливень залилъ всѣ низменные части города. Пострадали и центральныя улицы; на Дерибасовской всплыла торговая мостовая, во многихъ мѣстахъ залиты нижніе этажи. Особенно значительныя опустошенія въ гавани и на Херсонской улицѣ. Въ паркѣ конножелезныя дороги погибла 31 лошадь. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вода доходила до двухъ аршинъ. Убытки значительны.

НОВЫЙ УРГЕИЧЪ. Наводненіемъ потоплено въ Гурляндскомъ бекетѣ культурныхъ земель съ посевами около тысячи десятинъ, въ Катскомъ до двухъ тысячъ, въ Ургенченскомъ между двухъ рукавовъ Аму-дары до полутора тысячъ. Противъ селенія Гайбулы прорвался рукавъ Аму-дары Газаватъ; вода идетъ, уничтожая посѣвы.

УРМІЯ. 9 іюля рота аскеровъ заняла сунитское селеніе Кулинджи округа Энзели на сѣверъ отъ Урміи, недалеко отъ озера близъ дороги въ Салмасъ. Другая рота расположена по близости Энзели въ Сомае. Численность аскеровъ доходитъ до 400 чел. Населеніе Салмаса встревожено приближеніемъ къ городу курдскаго предводителя Шиккака-Симко, получающаго приказъ маинскаго хана расправиться съ членами мѣстнаго энджумена. Телеграфное сообщеніе Урміи съ Тавризомъ прервано съ недѣлю.

КАИРЪ. Возстановленіе турецкой конституціи произвело въ Египтѣ большое впечатлѣніе. На улицахъ и собраніяхъ можно видѣть сцены братанія между младотурками и армянами. Арабская печать относится къ событіямъ скептически.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ. Вчера послѣ полудня передъ Ильдызомъ состоялись

группныя манифестаціи, въ которыхъ принимали участіе тысячи лицъ, преимущественно среднихъ классовъ мусульманскаго населенія съ муллами во главѣ. Демонстранты носили знамена съ надписями „да здравствуетъ султанъ“, „да здравствуетъ свобода“, „да здравствуетъ конституція“. Толпа, въ которой было много турецкихъ женщинъ, стояла на улицахъ шпалерами и приветствовала манифестантовъ. У главныхъ воротъ Ильдыза демонстранты устроили восторженную овацію султану. Въ экстренныхъ прибавленіяхъ къ газетамъ опубликовано національное обращеніе къ населенію съ предложеніемъ не производить манифестаціи. Бурныя демонстраціи тотчасъ превратились. Отмѣнена цензуры и послѣднія собранія вызвали большой подъемъ въ турецкой прессѣ и тиражъ газетъ достигъ колоссальныхъ размѣровъ. Публика быстро раскупаетъ номера газетъ, плата повышенна цѣны. Объявлено объ изданіи новыхъ ежедневныхъ и еженедѣльныхъ газетъ. Турецкая пресса съ воодушевленіемъ приветствуетъ отмѣну цензуры и упраздненіе тайной полиціи. По свѣдѣніямъ турецкихъ газетъ, провинціальныя власти получили приказъ впредь вести корреспонденцію лишь съ Портой. Въ приложеніяхъ къ сегодняшнимъ турецкимъ газетамъ помѣщено официальное сообщеніе, въ которомъ указано, что рѣшительное желаніе султана заключается въ томъ, чтобы провести конституцію до мельчайшихъ подробностей. Осуществленіе ея никогда, ни по какимъ соображеніямъ не потерпитъ ущерба. Къ выборамъ повсюду немедленно и энергично будетъ приступлено. Парламентъ откроется 1 ноября новаго стила.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ. Конституція 1876 года возстановлена безъ измѣненія. Напечатанный газетамъ текстъ буквально

воспроизводитъ текстъ первоначальный. Вчера въ Перѣ, Галатѣ и во всѣхъ городахъ Босфора царило небывалое оживленіе. Толпы грековъ манифестировали съ турецкими флагами и оглашали воздухъ криками въ честь султана, даровавшаго свободу. Султану посылались благодарственныя телеграммы, вечеромъ устраивались фейерверги, пароходы ходили съ музыкой, украшенные флагами, приветствуя иностранныя стационары флажками въ честь націи и исполняя національныя гимны. Въ манифестаціяхъ повсюду участвовали турки, братаясь съ христианами. Въ кофейняхъ произносились рѣчи на турецкомъ и греческомъ языкахъ. Полиція не вмѣшивалась и вездѣ сохранялся порядокъ.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ. Изъ Салоникъ сообщаютъ, что движеніе принимаетъ новое направленіе. Демонстраціи противъ султана принимаютъ рѣзкій характеръ. Открыто говорятъ о низложеніи Абдул-Гамида. Духовные примкнули къ военнымъ. Мѣстнымъ младотурецкимъ комитетомъ приняты мѣры въ охранѣ города.

ВѢНА. Телеграфируютъ изъ Константинополя, что опубликовано прадѣ о возстановленіи въ новомъ оборудованіи помѣщенія парламента на счетъ султана. Цензура телеграммъ съ сегодняшняго дня отмѣнена.

ЛОНДОНЪ. Король и королева принимали въ Букингемскомъ дворцѣ въ аудіенціи 24 членовъ засѣдающаго теперь международнаго конгресса мира. Одинъ изъ членовъ конгресса, обратившійся къ королю съ приветственной рѣчью, назвалъ его поборникомъ мира. Король, приветствуя въ свою очередь делегатовъ, сказалъ, что ничто не доставляетъ ему столь искренняго удовольствія, какъ сознаніе, что приложенныя имъ старанія въ поддержанію мира среди народовъ не

же думаю—отчего бы не разрѣшить ему это? Но дѣло въ томъ, что уголовная отвѣтственность ему ни въ какомъ случаѣ не угрожаетъ. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ знаменитаго человѣка, 80-лѣтняго старца сажать въ тюрьму. Хотя самъ Толстой уже много разъ писалъ министрамъ и умолялъ въ печати, чтобы его посадили въ тюрьму,—въ холодную, вонючую съ клопами, хотя Толстой объявлялъ, что сочтетъ блаженствомъ, если его тоже повѣсятъ, если „намыленную петлю набросать на его старую шею“, хотя великій человѣкъ до смѣшнаго добываетъ мученичества, которое приравляло бы его къ Сократу и Христу, но видѣвъ все же, и онъ самъ, хорошо понимаютъ, что въ насъ вѣкъ это вещь немисляемая. Не тѣ нравы, не та искренность вѣры и убѣжденій. Никто трагически не принимаетъ статей Толстого и ни кому не хочется мстить ему. Во всей Европѣ и у насъ утвердился либеральный терминъ.

Стало-быть, о какой же тюрьмѣ, о какой висѣлицѣ возможна рѣчь? Правда, нѣкоторые толстовцы терпятъ несправедливости, но развѣ очень ужъ крикливые изъ нихъ подвергаются висѣлицѣ или аресту. То, что они проповѣдуютъ разрушеніе вѣры и обществѣ, правительство терпитъ, наказывая—въ высшей степени безтолково—лишь то, что вваливается въ наше русское—подготовлено къ отмѣнѣ этого ужаснаго средства. Не то, чтобы мы сдѣлались добрее предковъ. Мы сдѣлались чувствительнѣе, слабонервнѣе, а главное—равнодушнѣе въ вопросамъ общества. Древніе люди даже подумали боялись о разрушеніи отечества. Каждое поколѣніе, едва подрастая, выступало въ поле, воевало, гибло, защищая родные очаги и могилы. Героическій строй общества не могъ относиться къ внутреннимъ врагамъ снисходительнѣе, чѣмъ къ внѣшнимъ. Воръ, убійца, насильникъ, измѣнникъ—почитались несправедливыми, забравшимися въ крѣпость; ихъ казнили безъ всякаго милосердія. Милосердіе казалось нравственной солидарностью съ преступниками, т.-е. прямымъ участіемъ въ преступленіи. Обибились или нѣтъ предки, держась чисто механической оцѣнки общества, но въ теченіе столѣтій имъ удавалось истреблять множество ис-

несообразно и во множествѣ людей вызывать изумленіе. Всѣ мы—и первый Левъ Толстой—подготовлены слишкомъ сложной культурной жизнью къ отрицанію ея. Всѣ мы пресыщены и утомлены, всѣмъ хочется остановиться, пойти назадъ. Отсюда недѣланіе, непротивленіе злу, отрицанье всего, что предки утверждали. Дошло до того, что нѣкоторые послѣдователи Толстого (напр. Трегубовъ) стали проповѣдывать питанье сырыми зернами вмѣсто хлѣба и (г. Бодянский) ходьбу нагишомъ. Цинизмъ—самая легкая философская школа. Въ поколѣніяхъ одичавшихъ, изнемогшихъ въ напряженномъ трудѣ, требующемъ культуры, проповѣдь анархіи встрѣчается какъ Евангеліе. Ничего не надо, но богатые должны отдать себя на създеніе бѣднымъ, послѣ чего наступитъ Царство Божіе.

Не надо смертныхъ казней потому, что это ерѣвонтанье. Больше серьезнаго доказательства въ статьѣ Толстого нѣтъ, но этотъ доводъ я считаю въ самомъ дѣлѣ серьезнымъ. Дѣйствительно ерѣвонтанье, и если бы Левъ Толстой по примѣру Гюго („Le dernier jour d'un condamné“) описалъ бы ощущенія приговореннаго, онъ сдѣлалъ бы для отмѣны казни въ тысячу разъ больше, чѣмъ крикливой статьѣ. Все европейское общество—и наше русское—подготовлено къ отмѣнѣ этого ужаснаго средства. Не то, чтобы мы сдѣлались добрее предковъ. Мы сдѣлались чувствительнѣе, слабонервнѣе, а главное—равнодушнѣе въ вопросамъ общества. Древніе люди даже подумали боялись о разрушеніи отечества. Каждое поколѣніе, едва подрастая, выступало въ поле, воевало, гибло, защищая родные очаги и могилы. Героическій строй общества не могъ относиться къ внутреннимъ врагамъ снисходительнѣе, чѣмъ къ внѣшнимъ. Воръ, убійца, насильникъ, измѣнникъ—почитались несправедливыми, забравшимися въ крѣпость; ихъ казнили безъ всякаго милосердія. Милосердіе казалось нравственной солидарностью съ преступниками, т.-е. прямымъ участіемъ въ преступленіи. Обибились или нѣтъ предки, держась чисто механической оцѣнки общества, но въ теченіе столѣтій имъ удавалось истреблять множество ис-

порченныхъ людей, дегенератовъ и психопатовъ, причемъ уничтожались не одни они, а все ихъ зараженное наслѣдственностью потомство. Въ результатѣ, подъ конецъ феодальнаго періода, преступленія въ нѣкоторыхъ странахъ почти перестали. Вѣрность и честность вошли въ обычай. Воровство и убійство стали казаться ужасными. Немногіе прирожденные преступники подавлялись массовымъ презрѣніемъ. Жестокій терроръ закона становился ненужнымъ. Даже тамъ, гдѣ онъ остался на бумагѣ, онъ почти вышелъ изъ употребленія. Что же случилось?

Дурная трава.

Случилось то, что съ огородомъ, если его перестать выпалывать. Довольно скоро сорная трава вновь появляется на грядкахъ. Еще не много,—и она разрастается буйно и глушитъ благородную овощь. Ложно понятый гуманизмъ и сентиментализмъ ослабили уголовное наказаніе. За что мстить бѣдному молодому человѣку, тамъ, на свамѣ подсудимыхъ, если намъ лично онъ ничего дурнаго не сдѣлалъ? Правда, онъ убилъ какую-то старуху или ограбилъ кучку, но видѣвъ насъ онъ не убилъ и не ограбилъ. За что же мы будемъ мстить ему? Изъ такой безотчетной логики пошли либеральныя приговоры, одинъ снисходительнѣе другого, и наконецъ начали оправдывать чуть не всѣхъ, кто подъ давленіемъ „среды“, „афекта“, „судьбы“, всадилъ ножъ въ сердце ближняго. Если въ старые вѣка государство смотрѣло на человѣка, какъ на звѣря, и дрессировало его всевозможными способами,—главное, страхомъ, земнымъ и небеснымъ,—то нынѣшнее общество опустило сразу всѣ устремленія и дисциплины. Прокуроръ пересталъ угрожать смертью, а священникъ—адамъ. Въ результатѣ въ молодыхъ поколѣнія стала возвращаться первобытная мысль, что „все полезно“ и „нѣтъ грѣха“. Въ результатѣ преступность увеличилась неимоверно—у насъ и за границей. Выработались цѣлыя хищныя сословія—апаши и хулигановъ, точно дикія племена среди цивилизованныхъ. Цѣлыя арміи появились воровъ, проститутковъ, грабителей, убійцъ, причемъ эти добротные палачи общества ведутъ се-

бя куда постыднѣе звѣрей, въ наивной вѣрѣ революціонеровъ, обвиняющихъ полицію и поповъ даже въ дурной погодѣ. Толстой съ странной для великаго художника злобой набрасывается на военные суды и казни. Но, спрашивается, почему онъ не обратится съ такими же рѣзкостями къ преступникамъ? Почему не осудить столь же безпощадно тѣхъ, кто посылаетъ бомбы и отравленныя пули въ тѣло—вѣдь тоже живыхъ людей? Чрезвычайно неискренно Толстой соглашается, что и революціонеры не правы: „Je n'en disconviens point. J'ajoute même que ces crimes odieux sont de plus stupides. Pas plus que vos actes à vous mêmes, ils n'atteignent le but. Mais si odieux, si stupides que soient toutes ces bombes, ces mines, ces meurtres et ces vols, il n'en est pas moins vrai que tous ces gestes sont bien loin d'être aussi criminels et aussi stupides que les actes, que vous commettez.“

Призовите любого философа, любого психолога, любого безпристрастнаго священника или судью. Всякій скажетъ, что въ словахъ: „убійца, положимъ, виновны, но въ гораздо виновнѣе ихъ“ заключается не осужденіе убійцъ, а оправданіе ихъ. Вотъ что ужасно. Ужасно озлобленіе противъ общества ставитъ замѣтно на сторону убійцъ. Если бы Толстой сталъ на высоту той точки зрѣнія, съ которой каждое убійство есть грѣхъ, одинаково страшный,—можно бы еще понять его негодованіе. Но Толстой прямо утверждаетъ, что повѣсивъ убійцу страшный грѣхъ, а бросить бомбу въ толпу живыхъ людей „очень далеко отъ того, чтобы быть столь же преступнымъ“ дѣломъ. Не знаю, какъ васъ,—меня, стараго поклонника и цѣнителя Толстого, какъ художника и моралиста,—это неравное отношеніе въ борушнцахъ сторонамъ глубоко возмущаетъ. Талантъ талантомъ, но, спрашивается, гдѣ же человѣческая жалость Толстого, гдѣ справедливость? Безспорно, ужасно, когда преступника лишаютъ жизни. Если бы Толстой безъ всякихъ разсужденій долбилъ одно это слово тысячу разъ: „ужасно!“ онъ этимъ выразилъ бы все, что можно сказать въ защиту убійцъ. Но

остались бесплодными, сознание, что эти его старания удостоились столь великодушную оцѣнку не только Англии, но и других стран. Монархи, продолжал король, не могут ставить себя болѣе высокой дѣли, как поощрѣніе хороших отношеній и сердечной дружбы между націями. Это самое вѣрное средство, путемъ котораго человечество могло осуществить свой завѣтный идеалъ. Достигнуть этой дѣли было всегдашнимъ его стараніемъ и всегдашней его молитвой. Король выразилъ въ заключеніе своей рѣчи надежду, что труды конгресса мира будутъ благословенны.

Бунтъ въ воронежской тюрьмѣ. Волненія въ тюрьмахъ не прекращаются. Въ Воронежѣ въ губернской тюрьмѣ 2 іюля, по словамъ „Жив. Сл.“, произошло настоящее сраженіе арестантовъ съ тюремной охранной полиціей.

Послѣ повѣрки въ 9 час. вечера изъ камеры уголовного отдѣленія, выйдя изъ двери, выбрались въ коридоръ нѣсколько арестантовъ, приговоренныхъ въ каторгу, набросались на надзирателя Дмитріева, зажали ему ротъ, сняли костюмъ, обезоружили и спустили въ клозетъ. Одинъ изъ арестантовъ одѣлся въ надзирательское платье и, вооружившись револьверомъ, направился съ двумя арестантами къ выходу, пытаясь бѣжать, но ихъ встрѣтилъ въ коридорѣ другой надзиратель Борзенковъ, на котораго арестанты тоже набросались, зажали ротъ, пытались раздѣть и обезоружить, но Борзенковъ одного отбросилъ въ сторону и убѣжалъ къ выходу; въ слѣдъ ему арестанты сдѣлали два выстрѣла. На выстрѣлы сбѣжались другіе надзиратели и начальники тюрьмы. По нимъ арестанты открыли стрѣльбу, а часовые, въ свою очередь стали стрѣлять со двора въ окна, не рѣша-

ясь проникнуть въ коридоръ. Было дано знать властямъ и полиціи. Вскорѣ прибыло начальство съ губернаторомъ во главѣ. Были вызваны войска и тюрьма была оцѣплена со всѣхъ сторонъ. Со двора было дано нѣсколько выстрѣловъ по стрѣлявшимъ изъ оконъ арестантамъ. Въ коридорѣ тюрьмы первыми ворвались три помощника пристава Московской части съ городскими и часовыми и открыли по арестантамъ стрѣльбу, на которую арестанты отвѣчали. Въ темномъ коридорѣ произошло настоящее сраженіе; сколько было тамъ арестантовъ, опредѣлить невозможно. Выстрѣлы слышались на далекое разстояніе. Около тюрьмы собралась громадная толпа. Перестрѣлка продолжалась около 25 минутъ, арестанты не сдавались, долѣе всѣхъ отстрѣливался арестантъ Калмыковъ, одѣтый въ надзирательскій костюмъ. Когда арестанты прекратили выстрѣлы, было установлено, что четверо изъ нихъ убиты, въ числѣ ихъ и Калмыковъ. При убитыхъ найдены три револьвера. Въ камерахъ каторжанъ былъ произведенъ обыскъ. Въ одной печкѣ найдены три предмета съ фитилями, похожіе на бомбы, величиною съ большой апельсинъ. Надзиратель Дмитріевъ былъ извлеченъ изъ отхожаго мѣста съ легкою пожевою раной на шеѣ, изъ чинаровъ полиціи и войскъ никто не раненъ.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

14 іюля начались въ городскомъ театрѣ гастроль соединеннаго товарищества артистовъ С.-Петербургскихъ Императорскихъ и частныхъ театровъ. Во главѣ Т-ства стоятъ довольно знаменитыя артистическія силы. Репертуаръ — три пьесы: „Власть плоти“, „Король“ и „Анна Каренина“. Авторъ первой пьесы (онъ же авторъ и злополучныхъ „Черныхъ вороновъ“) г. Протопоповъ написалъ, вѣр-

нѣ настроилъ на этотъ разъ, очень важную и шаблонную по темѣ пьесу, давъ ей громкое и эффектное названіе „Власть плоти“. Пьеса блѣдно и въ не-большомъ масштабѣ развиваетъ психологию побѣды плоти надъ разсудкомъ и долгомъ. Дѣло въ томъ, что нѣкій красавецъ-самецъ увлекъ нѣкую пожирую самку, которая ради него и своихъ животныхъ побужденій бросила мужа, дѣтей и въ концѣ концовъ вернулась къ мужу нравственно искалѣченная и съ пустыми карманами. Тема избитая и интересная, быть можетъ, только для г. Протопопова: какъ ни какъ, а сборы пьесы дасть. Признаться, насъ не такъ интересовала Протопоповская пьеса, какъ ее исполненіе пріѣзжими гастролерами.

Заглавную роль супруги, любящей красивыхъ самцовъ, играла г-жа Мельникова. Единственно, что мы можемъ по-ставить въ минусъ артистѣ—это нѣсколько молодой гримъ. Въ остальномъ артистка насъ удовлетворила; играла просто и безъ пафоса.

Г-нъ Ведкій (красавецъ-самецъ) мѣстами шаржировалъ и допускалъ въ тонѣ слишкомъ „галантерейную“ фатоватость; кромѣ того, загрифовался повидимому, по всѣмъ правиламъ искусства, но при этомъ не принялъ во вниманіе силы освѣщенія сцены нашего театра и, повтому, выглядѣлъ далеко не красавцемъ. Роль проведена артистомъ, въ общемъ, интересно. Трудную роль мужа выдержанно сыгралъ г. Шарипъ. Полному усѣху сильныхъ драматическихъ мѣстъ роли мѣшала нѣкоторая искусственность тона. Жизненно провелъ роль сына г. Василенко и очень недурно исполнила роль разбитой вдовушки г-жа Казанская. Впечатлѣніе отъ спектакля получилось весьма пріятное, хотя въ исполненіи чувствовался недостатокъ ансамбля. Быть можетъ, артисты не успѣли еще сыграть.

малограмотный, отъ лица золоторотцевъ и крестьянъ угрожаетъ ему съечь сѣно на принадлежащихъ ему поляхъ и усадьбу Шахматово; кромѣ того, анонимъ угрожаетъ Занину, что онъ будетъ убитъ выстрѣломъ изъ ружья въ городѣ на улицѣ или въ домѣ, или по дорогѣ въ Шахматово, или наконецъ, въ его квартиру будетъ брошенъ снарядъ, начиненный порохомъ и дробью. Въ заключеніе анонимъ предлагаетъ положить не позже 22 іюля подъ мостъ, находящійся по Пешехонскому тракту, въ мѣстности подъ названіемъ церковницкіе кусты 250 руб., въ качествѣ выкупа за свою жизнь. Занивъ передалъ письмо въ руки полиціи, объяснивъ, что кромѣ судебныхъ дѣлъ съ крестьянами дер. Непотагово онъ ни съ кѣмъ въ худыхъ отношеніяхъ не состоитъ и подозрѣній ни на кого не имѣетъ. За указанной мѣстности былъ устроенъ надзоръ, но въ назначенное время никто за деньгами подъ мостъ не приходилъ. Скоро однако стало извѣстно, что 22 іюня около моста шались три оборванца, изъ которыхъ въ одномъ опознанъ вр. дер. Непотагово Н. Четвериковъ, извѣстный бродяга и воръ. Четвериковъ разсказалъ и на допросѣ объяснилъ, что 22 іюня онъ съ товарищемъ Расхибаевымъ отъправился въ Рыбинскъ, но дойдя до церковницкіхъ кустовъ выпили бутылку водки и почевали въ какомъ то сараѣ, а утромъ рѣшили вернуться въ городъ, такъ какъ у него не было паспорта. Въ почеркѣ Четверикова есть нѣкоторое сходство съ почеркомъ анонимнаго письма. Четвериковъ виновнымъ себя не признаетъ. Дѣло передано судебному сабд-о-вателю.

* * 15 іюля въ гостинницѣ „Золотой Якорь“ выстрѣломъ изъ револьвера лишилъ себя жизни служащій этой гостинницы кр-тъ Александръ Павловъ Макавѣевъ, 21 года. Трупъ помѣщенъ въ Пятницкую лечебницу. О причинѣ самоубійства производится дознаніе.

РОСПИСАНІЕ ПОѢЗДОВЪ ПО МѢСТНОМУ ВРЕМЕНИ

	пасс.	почт.	скорый.
Отходъ въ Ярославль 1 ч. 27 м. дн. 5 ч. 50 м. ут.			
„ „ Петербургъ . 5.55 д. 5.45 ут., 4.55*) дн.			
„ „ Архангельскъ — 7.5. в.			
„ „ Вятку . 12.56 дн. 8.5. в. 12.41**) нч			
Прих. изъ Ярославля . 5.5. м. ут. 4.36. м. дн. —			
„ „ Петербурга 11.10. ут. 6.15. д. 12.16**) нч.			
„ „ Архангельска — 4.45 ут.			
„ „ Вятки . 3.40 дн. 4.50 ут. 4.31*) дн			

*) по Вторникамъ.
**) „ Воскресеніямъ (ночь съ субботы.)

ихъ-то кровавая дѣла, дѣла самихъ убійцъ развѣ не ужасны? Развѣ въ самомъ дѣлѣ—положа руку на сердце—ихъ преступленія менѣе ужасны, чѣмъ намыленная веревка?

Помните, какъ десять разбойниковъ напали на хуторъ, перевязали огромную семью, обшарили домъ, и потомъ по очереди всѣхъ убили, одного за другимъ, какъ барановъ на бойнѣ? Помните, какъ въ другой семьѣ разбойники перебили не только взрослыхъ, но и дѣтей, и на долю грудного ребенка досталось восемь кинжалныхъ ранъ? Помните, какъ въ третьей семьѣ разбойники не только перерѣзали всѣхъ, но и нагадили на еще теплые трупы? Помните, какъ одинъ убійца рѣзалъ помѣщичьяго сына, а другой игралъ на гармоникѣ похоронный маршъ? Послушайтесь въ Толстой, что пишетъ изъ Одессы его ученикъ, толстовецъ-еврей г. Теноромо. Онъ посѣтилъ тюрьму, гдѣ въ-которые были приговорены къ смерти. За что они были приговорены? А вотъ за что. Въ тюрьму поступилъ новичекъ-арестантъ, молодой деревенскій парень. Среди прежнихъ арестантовъ нашлись трое, которые заставили паря раздѣться догола, потомъ заставили плясать передъ ними. Побоями и истязаніями подвергли его всевозможнымъ униженіямъ. Содомировали его на глазахъ всѣхъ, по очереди потѣшались, какъ надъ затравленной добычей. И эти мученія и оскверненія доведеннаго до смертельнаго страха несчастнаго парня продолжались нѣсколько недѣль—открыто для арестантовъ и скрыто отъ начальства (хорошо, кстати сказать, начальство)! Наконецъ, натѣшившись, негодяи повѣсили несчастнаго тутъ же въ камерѣ, на полотнѣцѣ. Такъ вотъ за какія дѣла иногда вѣшаютъ а вовсе не только за левиную драку въ полѣ при захватѣ помѣщичьяго повоса. Любопытно, что въ толпѣ арестантовъ, наблюдавшихъ пытку товарища, не раздавалось ни одного протеста. Никто изъ этихъ христіанъ не закричалъ: „не могу молчать!“ Еще любопытнѣе, что и самъ Л. Н. Толстой, которому за его долгую жизнь извѣстно множество подобныхъ же кошмарныхъ исторій, не закричалъ по поводу ихъ: „не могу молчать!“ Онъ закричалъ лишь въ защиту убійцъ, въ защиту вотъ этихъ

самыхъ мучителей безъ искры жалости, безъ луча совѣсти въ поганей душѣ. Ему жаль, когда правительство хватается этихъ злодѣевъ и возвращаетъ имъ всего лишь малую долю зла, которое они внесли въ общество. Ему жаль, когда за десятки (иной разъ) загубленныхъ жизней государство беретъ у мерзавца одну, которая въ человѣческомъ смыслѣ уже не жизнь, а смрадное разложеніе. Но почему же онъ нисколько не пожалѣетъ безчисленныхъ жертвъ, зарѣзанныхъ, задушенныхъ, замученныхъ разбойникомъ прежде, чѣмъ попасть на висѣлицу? Или въ самомъ дѣлѣ этотъ деревенскій парень имѣлъ менѣе правъ, чѣмъ его палачъ,—глядѣть на синее небо? Еще до революціи въ жестокіе холода шла баба съ груднымъ ребенкомъ. Негодяи обобрали ее, раздѣли догола и привязали къ дереву. Такъ съ ребенкомъ она и замерзла. Подъ Петербургомъ товарищи встрѣтили крестьянина. Обобрали и отрѣзали ему языкъ ножницами, такъ что онъ истекъ кровью... Скажите, почему у Льва Толстого есть жалость къ мучителямъ и нѣтъ жалости къ мученикамъ? Почему въ одномъ случаѣ онъ можетъ молчать, а въ другомъ не можетъ? Смертная казнь есть конечно ужасъ. Его не было у насъ въ мирное время и его не будетъ, когда миръ вновь вернется. Но теперь вѣдь вѣтъ мира. Идетъ война, озвѣржили люди. Въ широкихъ слояхъ глубоко пала любовь, благородство, совѣсть. Не только на государство, но на совершенно мирныхъ жителей, и даже бѣдняковъ-крестьянъ идетъ нашестіе убійцъ. Какъ же случилось, что великій писатель свое негодованіе обратилъ не въ отпоръ имъ, а въ защиту?

Надо замѣтить, что Толстой отрицаетъ не только смертную казнь. Онъ отрицаетъ и тюрьму, и вообще всякое сопротивленіе злу насиліемъ. По его теоріи, тѣ негодяи, что замучили паря въ тюрьмѣ, или привязали голую бабу съ ребенкомъ въ лѣсу, должны быть отпущены съ миромъ. А вотъ „нельзя молчать“ и надо кричать за-границей, непременно возбуждая весь свѣтъ à la Милоковъ противъ растерянной власти, когда она, сама несчастная, пытается отстоять отъ убійцъ несчастный, взбалмученный народъ... (Н. В.) М. Меньшиковъ.

Наконецъ-то къ намъ ѣдетъ „настоящая“ оперетка и „нашъ городъ—утолить голодъ“ послѣ долгихъ лѣтъ опереточной голодовки. Спектакли начнутся съ 17 іюля. Пойдутъ оперетки: „Веселая вдова“ и „Ночь любви“. Первую оперетку вологжане хотя и видѣли, но въ искаженномъ видѣ. (Балаганная постановка Выхирева). Вторая новость довольно интересная, ибо пьеса изобилуетъ чудными оперными мотивами. В—и.

ХРОНИКА.

* * 19 іюня вологодскій купецъ С. П. Занивъ получилъ по городской почтѣ анонимное письмо, въ которомъ неизвѣстный авторъ, судя по письму человѣкъ

Накидки флотскія

ВНОВЬ ОТКРЫТЫЙ МАГАЗИНЪ МѢХОВЫХЪ И СУКОНЫХЪ ТОВАРОВЪ МУЖСКОГО И ДАМСКАГО ГОТОВАГО ПЛАТЯ СЕМЕНА ГРИГОРЬЕВИЧА

ВЕРСЕНЕВА.

ВОЛОГДА, д. Пермякова, рядомъ съ ярмарочнымъ домомъ.

ПОЛУЧЕНЫ СЕЗОННЫЯ НОВОСТИ МУЖСКИХЪ И ДАМСКИХЪ ВЕРХНИХЪ НАРЯДОВЪ.

Пальто, саки, манто, накидки, каррики, изъ разныхъ шелковыхъ, шерстяныхъ, суконныхъ, и дублированныхъ непромокаемыхъ (прозенныхъ) матерій лучшихъ заграничныхъ моделей.

Мужскіе пиджачные костюмы отъ 7 руб. и дороже.

Пріемъ заказовъ на гражданское и всѣхъ вѣдомствъ форменное платье.

Цѣны безъ запроса.

Лавки военнаго непромокаемаго